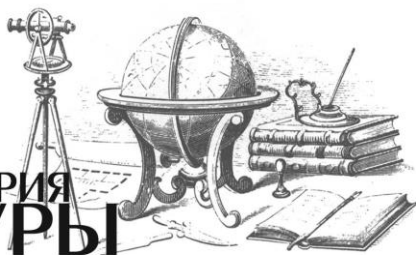

Журнал

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Кен Лоуч — обладатель «Золотой пальмовой ветви»

(из журнала «Обсерватория культуры» / НИЦ Информкультура РГБ. — № 5 / 2006. — С. 64 - 67).

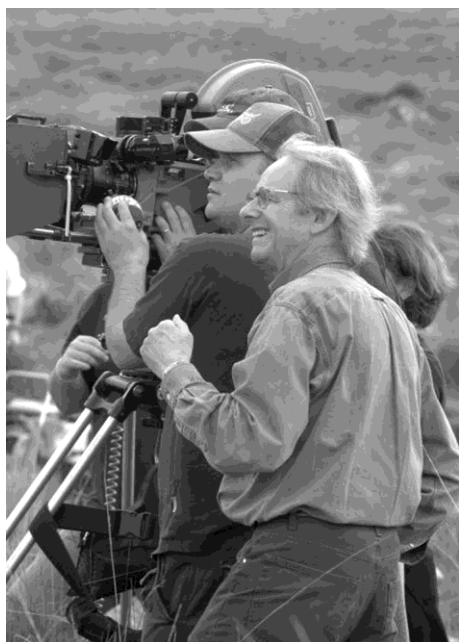
Творческая жизнеспособность, упорство, тихая непоколебимость, юмор и крайняя серьезность — Кен Лоуч, которому 17 июня исполнилось семьдесят, снова оказался в центре внимания, — пишет корреспондент «Нойе цюрхер цайтунг» Мартин Вальдер в заметке под заголовком «Непоколебимый». Восемь раз англичанин Кен Лоуч был представлен в конкурсных программах Каннского фестиваля, и вот, наконец, «Золотая пальмовая ветвь» за ленту «Ветер, волнующий ячмень». Журналистка Бернадетта Конрад, взяла у режиссера интервью, которое опубликовано в том же номере «Нойе цюрхер цайтунг».

Непоколебимый

Кинематограф Лоуча — это кинематограф эмоций, его бытовые драмы питаются исключительно из социального и политического источников, из картины в картину в центре внимания — разрушительное влияние классовых различий на человеческие отношения. Этот кинематограф в своем откровенном реализме не чуждается ни пафоса страсти, ни грубоватого, зачастую отчаянного юмора как свидетельства воли к жизни. У Лоуча это средства, которые служат просветительским целям. В последней его ленте страстное и жесткое начала возобладали в той мере, которая оказывается нелегкой для зрительского восприятия.

Фильм «Ветер, волнующий ячмень» в очередной раз, после «Нежного поцелуя» (2002) и превосходной работы «Сладостная юность» (2004), обращается к великим схваткам прошлого века. Картина, посвященная борьбе за независимость, которую ирландский народ вел после дублинского пасхального восстания 1916 года, продолжает тему борцов за свободу Испании, поднятую в ленте «Земля и свобода» (1995). Через судьбы двух братьев Дэмиена и Тедди режиссер и его постоянный сценарист Пол Лаверти высвечивают момент зарождения Ирландской армии освобождения (ИРА), представленного как реакция на политику британского правительства, которое железной рукой подавляло стремления к обретению Ирландией независимости. Заключенный в 1921 г. англо-ирландский договор развязал гражданскую войну, которая порой и братьев превращала в смертельных врагов. Именно такой оказалась история Тедди и Дэмиена, когда-то вступивших в общую борьбу. История беспримерной жестокости разыгрывается на фоне идиллических ландшафтов: с первых минут фильма до его братоубийственного финала Лоуч не щадит зрителя.

Эскалация насилия, драка за политическое верховенство, персональные решения, имевшие чудовищные последствия для тех, кто вынужден им следовать — все это определяет экранное повествование настолько, чтобы не стать помехой для полного раскрытия образного и психологического строя картины и в то же время не выпускать персонажи из драматургического корсета политических мотивировок.

Возможно, это тонкое равновесие в отличие от ленты «Земля и свобода» соблюдено здесь не полностью, но свойственная Кену Лоучу правдивость присуща фильму от начала и до конца. Обстоятельства, в которых люди убивают ближних и казнят братьев, воспроизведены с той скрытой и проявленной яростью, которая терзает душу, но ни на мгновение не позволяет забыть о цели авторской жестокости — не оглушить сознание зрителя, но обострить для понимания того, что совершающаяся на его глазах человеческая драма имеет явные политические причины. Лоуч ни на йоту не отступает от своих убеждений, и когда он

говорит о последствиях английской оккупации Ирландии, он напоминает и о том, что происходит сегодня в Ираке.

«Фильм должен быть атакой на ложные надежды»¹

— Кен Лоуч, о чем Ваш новый фильм?

— Действие фильма «Ветер, волнующий ячмень» разыгрывается в Ирландии, во время гражданской войны 1919—1920 гг., которая была войной против колониальной державы, против британской оккупации. Два брата присоединяются к ирландским повстанцам и неожиданно встречаются уже противниками. Что было важно для меня? Мне интересны исторические моменты, когда открывается возможность выбора. Если бы в то время веши были расставлены иначе, у Ирландии была бы иная история. Социальной программе противопоставлялся «имперский национализм». Вопрос стоял о том, кому будет принадлежать новая Ирландия. Народу? Многое было возможно. Меня интересует, каким образом народ стал жертвой предательства. Как он оказался разделенным вопреки своему волеизъявлению.

— В большинстве случаев для Ваших фильмов характерна близость к актуальным политическим событиям. Чем актуальна данная проблематика?

---

¹ Интервью Кена Лоуча.

Источник: *Обсерватория культуры*. — 2006. — № 5. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru/?arch-jok>

— Война в Северной Ирландии некоторое время назад закончилась. Однако лоялисты² все еще не сложили оружия, британцы все еще не ушли. Северная Ирландия — это мини-государство, основанное на дискриминации. Двадцать восьмого июля прошлого года ИРА заявила о своей готовности к разоружению. Это заявление отражает нынешнее положение вещей: ИРА готова проявить снисходительность по отношению к своим, так как отражает актуальную реальность, какова она есть — на период, о котором никто не знает, сколько он продлится. Кое-что остается неразрешенным. Это мир в стране, которая не обрела единства. Быть может, экономике удастся когда-нибудь стереть границы.

— *Какому звену этого комплекса проблем посвящен Ваш фильм?*

— В моей ленте мне важны зародыши конфликта. Если верить средствам массовой информации, вину за насилие несут террористы из ИРА. На самом деле как раз наоборот: вина лежит на оккупантах. Можно ведь встать на ту точку зрения, что насилие является оправданной реакцией. Британцы вооружали националистов — в нарушение закона. Это шло вразрез с волеизъявлением народа.

— *Ваши ленты часто напоминают помещения без запасного выхода: они сталкивают зрителя с непереносимыми обстоятельствами. Не дает ли фильм о событиях исторической давности возможности избежать такого столкновения?*

— У меня есть фильмы двоякого рода. Есть личные драмы, такие, как в картинах «Сладостная юность» и «Меня зовут Джо», где не видится ответа, поскольку простых ответов не существует — по этой причине подобные истории кажутся безвыходными. Можно также отступить на историческую дистанцию, чтобы поставить вопрос: что было бы, если бы этот элемент оказался слабее, а тот сильнее? Для меня очень важно рассмотреть моменты расстановки вех через увеличительное стекло, во всех подробностях. Чтобы расчистить пространство для главного вопроса: каким еще путем можно было пойти?

— *Мы живем в похожий исторический момент?*

— Да, но скорее в смысле серьезной угрозы; угрозы, которая идет издалека и сегодня достигла критической точки. Мы висим над обрывом. И не существует политической инстанции, которая была бы в силах указать нам направление в этой борьбе. Движение антиглобалистов представляет собой весомую и позитивную силу; движение в защиту мира тоже...

— *Ваши фильмы демонстрируют, как социальные и политические условия утесняют жизнь людей настолько, что дело доходит до взрыва. Берeditь болезненное место — это, в конце концов, занятие ободряющее. Какие поводы можно найти для него в наши дни?*

---

² Лоялисты — люди лояльные, от английского loyal — верный. — Прим. ред.

Источник: *Обсерватория культуры*. — 2006. — № 5. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [URL: http://infoculture.rsl.ru/?arch-jok](http://infoculture.rsl.ru/?arch-jok)

— Ободрение — это занятие, рассчитанное на дальнюю перспективу. С ближайшего расстояния большинство проблем кажутся непреодолимыми. Множество попыток их разрешения потерпело неудачу: социал-демократия, сталинизм, свободный рынок, который превратился скорее в манипулируемый рынок, неизбежно вызывающий войны, эксплуатацию и насилие. В рамках политэкономического сценария ответов не просматривается. Нашей обязанностью остается анализировать эти структуры и их глубинные взаимосвязи.

— *В какой ряд Вы ставите терроризм, который не обошел стороной и Лондон — среду, в которой Вы живете и работаете?*

— Тут проблема начинается уже на уровне языка. Террор — это то, что Америка и Англия сделали с Ираком. Они этого даже и не отрицали: их целью было произвести «шок и трепет»; они породили эту массу преследуемых; они повели массированное наступление на мусульман. Язык выдает истинные намерения, если прислушаться внимательно. Конечно же, исламисты используют религию в извращенном виде. Существует еще и пресловутое ответное запугивание. Во всяком случае, мы в нашем положении не вправе называть террористами других. Происходящее ужасно, но во многом объяснимо.

— *Лондон с тех пор изменился?*

— Поначалу возник страх, на несколько дней. Теперь он заметен по количеству оружия. Нам пришлось ощутить то, что в Ираке уже несколько лет является повседневностью. Однако наши жизни считаются более ценными. Погибших 11 сентября почтили несчетным числом мемориалов, их имена известны наперечет. Погибающие в Ираке уходят в неизвестность.

— *У Вас возникает желание реагировать на подобные ситуации?*

— В политическом отношении, да. Однако как кинематографист я должен сказать, что поспевать за газетными заголовками — напрасный труд и не наше дело. Фильмы, которые я делаю, помещены в иные временные пределы, здесь уместна неспешность.

— *Людей можно чему-то научить?*

— Людей учит только собственный опыт, никак не абстракции. Кинофильм способен стать опытом только в том случае, когда мы можем связать его с собственной жизнью. То же и книги. Я как кинематографист могу показать то, что видно с моего конца телескопа.

Я всегда восхищался тем, как познают мир дети, какой это драматический процесс. Парнишке из фильма «Сладостная юность» приходится однажды осознать, что его мать не такая, какой он хотел бы ее видеть — и какая ему нужна. Огромная потеря, но и ее надо пережить. Дети большие юмористы и очень трогательны. И хотя они очень быстро овладевают наукой манипулирования, они чужды расчетливости, прозрачны.

— *То ужасное, что может случиться с детьми, тоже является большой темой Ваших фильмов. Вам свойствен пессимистический взгляд на историческое развитие?*

— В перспективе, нет. Когда-нибудь этот мировой правый крен выправится — в противном случае все рухнет. Люди не устают бороться. Их упорство, их способность к сопротивлению — решающие доводы против пессимизма. Можно заново включаться в борьбу — за гражданские права, против приватизаций. Устои остаются незыблемыми. По-прежнему есть те, кто осуществляет контроль, и те, что под контролем.

— *Такая категория, как классовая борьба по-прежнему пригодна для постижения глобализованного мира?*

— Ну что ж, ослабление профсоюзов, развитие в направлении двух правых партий — все это произошло в Великобритании быстрее, чем где бы то ни было, благодаря Тэтчер. Теперь мы имеем дело с крупными предприятиями, осуществляющими программу «hire and fire». Наемный работник не уверен в завтрашнем дне. У наших врагов уже есть имена и лица.

— *В книге «На чьей стороне ты?», посвященной Вашей жизни и творчеству, Энтони Хейуорд пишет, что Вы отказывались идти на компромиссы. Вы идеалист?*

— О, надеюсь, что я реалист. Идеалист, на мой взгляд, тот, кто рассчитывает уйти от истории — истории с ее сильными и слабыми моментами, на которых мы можем учиться. Компромисс означает допущение того, что считаешь ложным или ошибочным, в целях достижения определенного результата, успеха. Это равнозначно неуважительному отношению к историческому опыту.

Уважение к тому, что приносит опыт, имеет первостепенное значение. Персонажи могут питать иллюзии, фильм — нет. Он должен быть в первую очередь атакой на ложные надежды.

— *Бескомпромиссное и неприкрашенное восприятие действительности нередко приводит интеллектуалов к цинизму...*

— Циник утрачивает способность воспринимать очевидное: люди никогда не перестают защищаться. Они ответят ударом на удар, если их обижать и подвергать унижениям. Цинизм — это лень, отсутствие энергии, нужной для того, чтобы вглядываться в окружающее. Такое случается, если ты позволишь себя усыпить, когда долго занимаешься нетворческой работой или заморозишь собственные перспективы.

По материалам *Neue Zürcher Zeitung* (Швейцария). — 2006. — 12 Juni.

Е. Задорожная